1927 № 7—8

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК

СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

VI СЕРИЯ

15 АПРЕЛЯ—1 МАЯ

BULLETIN DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES

DE L'UNION DES RÉPUBLIQUES SOVIÉTIQUES SOCIALISTES

VI SÉRIE

15 AVRIL—1 MAI

ЛЕНИНГРАД — LENINGRAD

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

«Паки в мале по тьме свет узрела
Как Екатерину возымела.
На престоле вся по воле
Петровой стоящу на долзе,
Монархиня! героиня!
О! люте не живе ко твоей ползе».

Автором этих вирш мог быть едва ли не только Феофан Прокопович, который неоднократно награждал Екатерину такими же громкими и пустозвонными эпитетами («великая геро̀иня мона̀рхиня») и в своем «Слове в день коронации государыни императрицы Екатерины Алексеевны», произнесенном в Москве, в Успенском соборе 7 мая 1724 г., и в другом «Слове на погребение императора Петра, 1 марта 1725».[1]

[1] Сочинения Феофана Прокоповича. СПб., 1761, ч. II, стр. 103 — 111.

Известия Академии Наук СССР. 1927.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de l'URSS).

突 闕 «Ту-кюэ» китайской транскрипции— турецкое تورك.

Е. Д. Поливанова.

(Представлено академиком **В. В. Бартольдом** в заседании Отделения Исторических Наук и Филологии 16 марта 1927 года).

Китайское 突 闕, обозначаемое в русской литературе обычно через «Ту-кюэ» (вместо Ту-цюэ), бесспорно является передачей турецкого племенного имени تورك (tyrk в международной фонетической транскрипции; y = нем. ü).

Но в настоящее время, когда имеется уже уверенная почва для выводов в области китайской исторической фонетики и когда на основании показаний китайских говоров и зарубежных «не-китайских» литературных диалектов китайского языка (японских,[1] корейского, аннамского), возможно

[1] Для восстановления древних китайских («обще-китайских») праформ в громадном большинстве случаев достаточно из пяти японских категорий заимствований (см. ДРАН—В, 1924, стр. 157) иметь в виду два чтения: Го- и Кан-он. При этом, практически, оказывается почти всегда возможным определить китайскую праформу на основании сопоставления этих двух японских чтений с одним китайским (напр., пекинским). Так, например, начальные согласные (*t, *t', *d, *n, resp. *p, *p', *b, *m и т. д.) определяются следующими соответствиями этих трех чтений:

Пекинское	^{t}d («д»	русск.	тр-ции)	||	Го-он	t	||	Кан-он	t	указывает на обще-китайское	*t
»	^{t}d («д»	»	»)	||	»	d	||	»	t	» » »	*d
»	t' («т»	»	»)	||	»	t	||	»	t	» » »	*t'
»	n («н»	»	»)	||	»	n	||	»	d	» » »	*n

Примечание. В первых двух томах фундаментальной работы по исторической фонетике китайского языка B. Karlgren'a «Études sur la Phonologie Chinoise» (Archives d'Études Orientales, Vol. 15 : 1, Livr. 2 — 1915; Vol. 15 : 2, Livr. 1 — 1916) автор, к сожалению, рассматривает (в своих таблицах) японские заимствования в целом, не разделяя в них Го-он'а от Кан-он'а, тогда как показательная ценность их — именно во взаимном противоположении.

«Паки в мале по тьме свет узрела
Как Екатерину возымела.
На престоле вся по воле
Петровой стоящу на долзе,
Монархиня! героиня!
О! люте не живе ко твоей ползе».

Автором этих вирш мог быть едва ли не только Феофан Прокопович, который неоднократно награждал Екатерину такими же громкими и пустозвонными эпитетами («великая геро̀иня монà рхиня») и в своем «Слове в день коронации государыни императрицы Екатерины Алексеевны», произнесенном в Москве, в Успенском соборе 7 мая 1724 г., и в другом «Слове на погребение императора Петра, 1 марта 1725».[1]

[1] Сочинения Феофана Прокоповича. СПб., 1761, ч. II, стр. 103 — 111.

Известия Академии Наук СССР. 1927.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de l'URSS).

突 闕 «Ту-кюэ» китайской транскрипции — турецкое تورك.

Е. Д. Поливанова.

(Представлено академиком В. В. Бартольдом в заседании Отделения Исторических Наук и Филологии 16 марта 1927 года).

Китайское 突 闕, обозначаемое в русской литературе обычно через «Ту-кюэ» (вместо Ту-цюэ), бесспорно является передачей турецкого племенного имени تورك (tyrk в международной фонетической транскрипции; y = нем. ü).

Но в настоящее время, когда имеется уже уверенная почва для выводов в области китайской исторической фонетики и когда на основании показаний китайских говоров и зарубежных «не-китайских» литературных диалектов китайского языка (японских,[1] корейского, аннамского), возможно

[1] Для восстановления древних китайских («обще-китайских») праформ в громадном большинстве случаев достаточно из пяти японских категорий заимствований (см. ДРАН—В, 1924, стр. 157) иметь в виду два чтения: Го- и Кан-он. При этом, практически, оказывается почти всегда возможным определить китайскую праформу на основании сопоставления этих двух японских чтений с одним китайским (напр., пекинским). Так, например, начальные согласные (*t, *t', *d, *n, resp. *p, *p', *b, *m и т. д.) определяются следующими соответствиями этих трех чтений:

Пекинское	^{t}d («д»	русск.	тр-ции)	||	Го-он	t ||	Кан-он	t	указывает	на обще-китайское	*t
»	^{t}d («д»	»	»)	||	»	d ||	»	t	»	»	*d
»	t' («т»	»	»)	||	»	t ||	»	t	»	»	*t'
»	n («н»	»	»)	||	»	n ||	»	d	»	»	*n

Примечание. В первых двух томах фундаментальной работы по исторической фонетике китайского языка B. Karlgren'a «Études sur la Phonologie Chinoise» (Archives d'Études Orientales, Vol. 15 : 1, Livr. 2 — 1915; Vol. 15 : 2, Livr. 1 — 1916) автор, к сожалению, рассматривает (в своих таблицах) японские заимствования в целом, не разделяя в них Го-он'а от Кан-он'а, тогда как показательная ценность их — именно во взаимном противоположении.

восстановлять как обще-китайские праформы, так и их производные для различных исторических эпох и территорий, — уже нельзя видеть в данном «Ту-кюэ» передачу простой (лишенной суффикса) турецкой основы tyrk. Именно, надо иметь в виду, что:

1. Оба китайских слога, выражавшихся вышеприведенными иероглифами (突 — «Ту», 闕 — «Кюэ»), оканчивались, в обще-китайскую эпоху, на согласный *t: так, для 突 («Ту») восстановляется исходная форма *t'ut (восходящая к еще более древней:[1] *t'ŭat | dŭat). Конечное *t праформы указывается как южно-китайскими, так и «не-китайскими» чтениями: напр., корейским (t'ul, где l является регулярной заменой китайского конечного t) и японскими (Кан-он: tocu ← *totu; *tu регулярно заменяет в Кан-он'е кит. *t). Для 闕 («Кюэ») праформой является *k'yät (= k^{h}üät), на что опять-таки указывают южно-китайские и «не-китайские» чтения (напр., японск. Кан-он kecu ← *ketu).

2. Во второй половине I тысячелетия н. э. в северно-китайском диалекте (который послужил, между прочим, источником корейских чтений китайских иероглифов) на месте обще-китайского конечного *t произносилось уже r. На это указывают как монгольские заимствования китайских слов (напр., монгольск. bir из кит. 筆 *pit, или монгольск. burxan, первая часть которого происходит из северно-китайского произношения 佛), так и корейские чтения всех китайских слогов с конечным *t: вместо этого *t в современном корейском произносится l (являющееся позиционным — для конца слога — вариантом корейской фонемы «r- | l», напр., *mit → кор. mil «мед» (затем — «воск»). Объяснить же переход t → l на корейской почве нельзя, ибо в чисто корейских (а не заимствованных из китайского) словах конечное t сохраняется — в виде имплозивного t (конвергируя, таким образом, с древне-корейскими конечными *s, *c, *c', *ps и т. д., но отнюдь не с «r- | l»).

Поскольку в произношении, современном данной транскрипции (транскрипции имени tyrk иероглифами 突 闕), еще произносились конечные согласные, становится недопустимым, чтобы китайцы воспользовались слогом из четырех элементов (каков слог 闕 в древнем произно-

[1] Подобно тому, как, напр., теоретически восстановляемое пра-китайское *miät «мед» рано заменилось (в большинстве говоров) формой *mit.

Примечание. Это китайское слово можно, мне кажется, связать (в качестве до-исторического миграционного термина) с индо-европейским *médhu (и финским mesi ← meti). Сюда же, повидимому, присоединимо и чеченское muoz (из *maз-u).

шении) для передачи лишь одного единственного (соответствующего данному слогу) турецкого звука — k (в tyr-k; tyr приходится на первый иероглиф, k — на второй). И остается, следовательно, искать более длинного турецкого слова, которое можно было бы счесть за оригинал для 突 闕.

Первоначально, у меня возникло предположение о монгольской форме множественного числа на t от основы tyrk, т.-е. о том, что «Ту-кюэ» передает форму *tyrkyt. Оказалось, что это совпадает и с мнением Pelliot (T'oung Pao, 1915. L'origine de T'ou-kiue, nom chinois des Turcs), допускающим, что китайцы впервые познакомились с термином tyrk именно в монгольской его передаче.

Но рассуждая последовательно, это предположение приходится оставить. Между прочим, мало вероятно и то, чтобы китайцы, писавшие надписи на орхонских памятниках и, следовательно, находившиеся в самом непосредственном контакте с tyrk'ами, повторяли их наименование в монгольской, а не турецкой грамматической форме. А главное, — предположению о форме *tyrkyt препятствуют никак не согласуемые с ним фонетические обстоятельства, именно:

Если мы согласимся, что звук r имени tyrk передан в китайском чтении (современном транскрипции) также через r, т.-е. признаем переход конечного (в слоге) китайского *t в r для данной эпохи, то мы обязаны допустить, что и *t на конце второго китайского слога (闕) также уже было заменено — в эпоху транскрипции — звуком r, а следовательно, в нем уже никак нельзя видеть корреспонденцию для конечного t в указанной монгольской форме множественного числа. И следовательно, делавшаяся ad hoc конъектура монгольской формы сама собой отпадает.

Остается искать другого суффиксального осложнения основы tyrk.

В качестве такового проще всего допустить для турецкого этнического имени — турецкую же форму множественного числа, которая должна была произноситься в орхонском или в виде tyrklær (resp. tyrkler) или — tyrklør (= «türklör»).

Остается взвесить, насколько допустима передача комплекса klær (resp. klør) северно-китайским чтением знака 闕 в эпоху, современную транскрипции.

Первый и четвертый элементы этого чтения (т.-е. звуки k', r ← *t),

разумеется, не возбуждают никаких сомнений, и нужно, следовательно, лишь обосновать корреспонденцию:

сев.-кит.	(k')y̆ä(r)	— турецкому (k)læ(r)	Примеч.:	læ = lä
resp.	(k')y̆ö(r)	resp. (k)lø(r)		lø = lö

Я думаю, что корреспонденция эта (в частности корреспонденция: «кит. y̆ (после согласного) — тур. l») является не только одним из возможных, но и наилучшим из выборов, которые могли сделать китайцы данной эпохи — из запаса своих слоговых представлений — для передачи звука l, находящегося в положении не первого, а второго элемента слога, т.-е. после согласного k (ибо несомненно, что в китайском восприятии турецкое tyrk-lär разлагалось на слоги так: tur-k'lär — resp. tur-k'yär).

И действительно, как на основании общефонетических соображений, так и некоторых данных из исторической фонетики,[1] можно признать, что y̆ (принадлежащее ко второй по порядку категории элементов китайского слога — к «не слогообразующим узким гласным (i̯, u̯, y̆)») являлось в китайской звуковой системе данной эпохи (раз комплексы типа kl, kr в начале слога были уже невозможны) ближайшим звуковым соответствием для чужого l, слышимого именно в данной позиции — между начальным согласным и слоговым гласным данного слога.

Остается, казалось бы, еще мотивировать соответствие слоговых гласных, именно: «кит. ä — тур. ä (resp. e) или ö». Но острота этого вопроса, случайно, ослабляется тем обстоятельством, что среди северно-китайских говоров можно найти и случаи yä, и случаи: *yö → i̯o.

Для устранения сомнений в справедливости предположения *t → r в эпоху транскрипции, важно, однако, подтвердить эту корреспонденцию (тур. r — китайскому r ← *t) еще другими примерами транскрипций. Обращаясь к данным тех же китайских надписей (на орхонских памятниках), мы находим, между прочим, следующие, относящиеся к нашему вопросу примеры:

1) тур. ujγur (узб. ئۇيغۇر) — кит. 回 鶻 «Хуй-ху» — имя «уйгур'ов»;

2) тур. qarluq (قارلۇق) — кит. 葛 祿 «Гэ-лу»;

3) тур. barγana resp. parγana, farγana فرغانا — кит. 拔 賀 那 «Ба-хэ-на».

[1] Сюда можно привлечь некоторые примеры из сравнительной фонетики «тибето-китайских» (так наз. индо-китайских) языков, говорящие за *Cl → Ci̯ в китайском (C — символ согласного); ср. итальянск. fiore ← flore, Fiume ← flume и т. п.

И, наконец, как случай обратного задания — передачи (китайским языковым мышлением, уже утратившим конечное t — благодаря *t → r) турецкого t на конце слога — для нас интересно еще:

4) тур. qut-luq (قۇتلۇق) — кит. 骨 咄 祿 «Гу-ду-лу».

1) Тур. ujγur — кит. 回 鶻 («Хуй-ху»). Праформа для чтения этих двух знаков установима в виде *γu̯ai-γu̯at, откуда — в эпоху, современную транскрипции (в северно-китайском диалекте) — *γui̯-γur. Звуковая корреспонденция турецкой основе, как мы видим, — полная, за исключением начального согласного (в чтении первого иероглифа), которому соответствует нуль согласного в тур. ujγur (узб. ئۇيغۇر).[1]

Примечание. Звонкий γ (из которого затем в пекинском — x, благодаря общему оглушению древних звонких спирантов) восстанавливается в анлаутах обоих китайских силлабов 回 и 鶻, между прочим, на основании Го-он'ных чтений:

e ←* we для первого знака (пек. «хуй»), где we объясняется из китайского *γwai̯ (в источнике Го-он'а)[2]; gocu ← *gotu для второго знака (пек. «ху»).

2) Тур. qarluq (qarl̓uq) — кит. 葛 祿 («Гэ-лу»). Праформы обоих силлабов — *kat-luk, откуда — в эпоху транскрипции — *kar-luk.

3) Тур. *barγana или parγana (فرغانا узб. فەرغانە «Фергана») — кит. 拔 賀 那 («Ба-хэ-на»). Китайские праформы дают *bat-γa-na, откуда — в эпоху транскрипции — *bar-γa-na.[3]

Рассмотрим теперь разрешение (в китайской транскрипции) обратной задачи — передачи тур. t на конце слога (тогда как в данном китайском диалекте конечное *t уже заменилось через r) на примере:

4) Тур. qut-luq (قۇتلۇق) — кит. 骨 咄 祿 («Гу-ду-лу»).

[1] Объясняется это наличие γ в китайском комплексе, очевидно, тем, что иероглифа с чтением ui̯ (т.-е. с нулем согласного) в силлабаре данного китайского диалекта не имелось (как и в современном пекинском не имеется чтения «уй»). Ср. также передачу турецкого слога u через *γu (胡) в транскрипции 胡 祿 (= *γu-luk) для слова uluq, uluγ اولوغ.

[2] Ср. то же звуковое соответствие для 會: пек. «хуй» || Го-он e ← we || Кан-он kai ← kʷai.

[3] Звонкие *b и *γ устанавливаются на основании Го-он'ных чтений. В турецкой форме начальное b может допускаться для некоторых из древних (современных китайской транскрипции) турецких диалектов, тогда как в некоторых других ему соответствовало *p.

Ясным указанием на переход конечного *t → r служит здесь то, что для передачи первого слога в тур. qut-luq употреблено уже два знака; из них второй (咄) корреспондирует, следовательно, одному лишь турецкому звуку — t.

Но этого мало для того, чтобы оценить все детали передачи. Оказывается, и чтение 骨, и чтение 咄 оканчивались (в праформах) на *t. Восстановляется, следовательно, сочетание: *kut-tut-luk. Механическое применение к нему закона о *t → сев.-кит. r дало бы, значит (для эпохи транскрипции), — kur-tur-luk. Но, как есть все вероятия ожидать,[1] t перед следующим t и следующим l должно было ассимилироваться этим последним согласным, т.-е. должен был получиться комплекс kuttulluk = kut:ul:uk.

Если мы сопоставим это предполагаемое китайское чтение kut:ul:uk — с турецким qut-luq, то мы найдем еще одну черту, говорящую за точность китайской транскрипции: временнóе соотношение между гласным u и окружающими его долгими согласными (t:, l:) — то же, что между нулем гласного и краткими t, l — в турецкой форме: t:÷u = l:÷u = t÷нуль = l÷нуль (÷ знак арифметической пропорции). Этим транскрипция, следовательно, намекает на нуль гласного (между t и l) в турецкой форме.

Уже из нескольких вышеприведенных примеров данной китайской транскрипции можно сделать некоторые выводы лингвистического характера, именно:

1) можно отметить тщательную точность транскрипции, выбирающей наиболее подходящие в звуковом отношении возможности для передачи турецких слов китайским силлабаром;

2) можно, в известной мере, характеризовать китайский диалект эпохи транскрипции: этот сев.-китайский диалект явно отличается от того, что служил источником японского Кан-он'а (ибо в Кан-он'е конечное кит. *t дает *tu → cu; кроме того, в китайском источнике Кан-он'а несомненно не различались уже древние звонкие и глухие непридыхательные;[2] впрочем,

[1] Подобные предполагаемому здесь процессы ассимиляции согласных «на стыке слогов» — явление, вполне привычное для того, кто занимался историей звуков китайских заимствований (напр., в японском; ср., напр., дублетные Го-он'ные чтения знака 法 (*fap): ho: ← fofu ← popu — в изоляции, и *hok*-ke, *hot*-tai, и т. п. в sandhi).

[2] Приписывать же эту конвергенцию (звонких и глухих) в японском Кан-он'е корейскому влиянию невозможно (корейское посредство вообще приходится исключать из объяснения формации Кан-он'а).

вопрос о наличии этого различения в китайском диалекте транскрипции выходит за рамки настоящей статьи).

Предложенное выше объяснение «Ту-кюэ» (突 闕) нуждается однако в оговорке следующего возможного возражения: в противоположность монгольскому языку турецкий употребляет племенные названия (в том числе термин تورك) чаще в единственном, чем во множественном числе. В текстах же орхонских надписей, как мне указал академик В. В. Бартольд, — основа تورك встречается всегда в форме единственного числа. Поэтому может возникнуть сомнение: имели ли китайцы, соприкасавшиеся с турками, возможность слышать в языке последних türkler resp. türklör? Прежде чем отвести это возражение, я укажу, что даже признание его бесспорно справедливым отнюдь не обязывает нас вернуться к объяснению Pelliot (и моему прежнему). Дело в том, что по вышеизложенным фонетическим обстоятельствам монгольская этимология должна быть все равно отклонена — независимо от того, отклоним мы или нет и данную турецкую этимологию.

Итак, дилемма вовсе не становится такой: или турецкое множ. число, или же, если возражения против него вески, монгольское множ. число, а следующей: или турецкое множ. число (تورکلر), или же какая-то третья, нам еще не пришедшая в голову — суффиксация к основе (تورك).[1]

Насколько же в действительности указанное возражение исключает возможность нашей этимологии «Ту-кюэ»?

1. Беру смелость утверждать, что показания орхонских надписей могли бы иметь решающее значение только при положительном, а не отрицательном характере этих показаний: иначе говоря, отсутствие какой-либо формы в текстах надписей вовсе не говорит за отсутствие этой формы в самом языке.

2. Решающими являются факты живых турецких языков, которые, поскольку они повторяются в ряде языков, могут быть показательны и для древнего языкового состояния.

3. Относительно же современных турецких языков можно утверждать, что в отношении племенных названий функции pluralis на لر аналогичны с его функциями при прочих основах, означающих лица: единственное число (бессуффиксальная форма) обладает в некоторой мере

[1] Субъективно я, конечно, уверен, что никакой этой третьей этимологии быть не может.

функциями communis numeri, но pluralis (на لر) тем не менее вполне нормальный член (т.-е. одна из форм, существование которых постоянно подразумевается возможным) именной парадигмы (словоизменения). И не приходится доказывать, что pluralis от основы tyrk имеет право гражданства[1] в современных турецких языках: ср. узб. تۈركستاندە تۈركلەر ياشايدىلار turkıstəndæ turklær jæšijdılær «в Туркестане живут турки».

[1] Хотя и может быть заменяемо, в большинстве случаев, единственным числом на правах communis numeri): узб. turkıstəndæ turk jæšijdı, буквально: «в Туркестане живет турок».

Известия Академии Наук СССР. 1927.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de l'URSS).

К истории жизни и творчества Н. А. Львова.

Б. И. Коплана.

(Представлено академиком С. Ф. Платоновым в заседании Отделения Исторических Наук и Филологии 2 марта 1927 года).

I.

Из краеведческих заданий на рубеже двух веков.

Имя Николая Александровича Львова (род. 1751, ум. 22 декабря 1803 г.) в истории русской общественной жизни конца XVIII столетия тесно связано с литературой, искусством и «краеведением» этого времени. В план нашей статьи не входит биография Н. А. Львова, черты которой переплетаются с жизнью поэтического вождя конца XVIII в. — Г. Р. Державина и двух других крупных писателей его эпохи: В. В. Капниста и И. И. Хемницера. Скажем только, что в 1780—90-х годах Н. А. Львов был душою небольшого поэтического содружества, которое составляли: Г. Р. Державин, И. И. Хемницер, В. В. Капнист, А. С. Хвостов, А. В. Храповицкий, О. П. Козодавлев, П. Л. Вельяминов, А. М. Бакунин и М. Н. Муравьев. «Сей человек», сказал Державин в объяснении к стихотворению «Память другу», написанному после смерти Львова (1804), «принадлежал к отличным и немногим людям потому, что одарен был решительною чувствительностью к той изящности, которая, с быстротою молнии наполняя сладостно сердце, объясняется часто слезою, похищая слово. С сим редким и для многих непонятным чувством он был исполнен ума и знаний, любил Науки и Художества и отличался тонким и возвышенным вкусом, по которому никакой недостаток и никакое превосходство в художественном или словесном произведении укрыться от него не могло. Люди, словесностью, разными художествами и даже мастерствами занимавшиеся, часто прибегали к нему на совещание, и часто приговор его превращали себе в закон».[1]

[1] «Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные...». СПб., 1834, ч. I, стр. 60.